

Труд - 1992 - 21 июля

«ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ПРОХОЖИЕ УЛЫБАЛИСЬ...»

Наталья Солженицына в гостях у «Труда»

Наталья Дмитриевна Солженицына не могла не прийти в редакцию «Труда». Она — наш автор, друг газеты и ее читателей. К разговору никто заранее не готовился, но он получился долгим, очень неравнодушным — с самыми разными вопросами, из которых, тем не менее, складывалось нечто целое. Готовя материал, мы из-за ограниченности газетной площади сокращали его, но при этом старались сохранить все существенное, атмосферу полутора часов, проведенных с Натальей Дмитриевной...

— В Москве я уже встречалась, — сказала она, — с журналистами нескольких газет, разговаривала с представителями многих изданий. На мой взгляд, положение «Труда» среди них уникально. Другие столичные газеты, даже очень интересующиеся провинцией, не имеют такой корреспондентской сети в стране. И так, как вас, провинция никого не читает. Может быть, вам удалось бы помочь столице и провинции найти общий язык. За 70 лет советской власти страна «скособочилась»: Москва и окружающее ее огромное, безгласное пространство существовали отдельно друг от друга. В таких условиях невозможна никакая демократия: духовное здоровье свойственно только тем странам, где экономические и культурные условия равны повсюду. Пока этого не будет у нас, страна не выправится. И огромную роль здесь может сыграть ваша газета. Вам ни в коем случае нельзя «потонуть» — заменить вас сейчас некому. Недавно я случайно включила радио и попала на передачу «Письма читателей». Знаете, я просто ахнула. За семь недель в Москве я не слышала столько здравомыслящих людей подряд. В Новосибирске, Барнауле и Звенигороде прекрасно понимают, что происходит, и выражают это без оглядки на политику, как в столице... Обязательно должно быть место, где провинциальные читатели могут постоянно высказывать свое мнение. И нужно преодолеть разрыв между столичной элитой, столичными газетами и журналами и миром простых людей, не имеющих своего голоса в прессе. Этот разрыв крайне опасен...

— Вы 18 лет не были в России, в Москве. Удалось ли вам узнать свой город — что бросилось в глаза, обрадовало, удивило, причинило боль?

— В Америке мы получаем русские газеты, которые хорошо подготовили меня к тому, что здесь происходит. Поначалу впечатления были даже луч-

ше, чем я ожидала. Но потом мне стало казаться, что происходящее со страной намного серьезнее и страшнее, чем можно вычитать из газет. Я не удивилась, что Москва такая грязная, хоть это и больно видеть. Я очень люблю Москву, я ведь сама москвичка, по послевоенной Москве летом 1946 года мы бегали босиком... Но будь хотя бы ясно, чем все это кончится, куда мы идем. Сейчас нет асфальта — не беда, заасфальтируем через год... Но ведь нет никакой уверенности, что через год мы начнем чинить мостовые и строить дома. Очередь на жилье растянулась до двенадцати лет... Все сворачивается, производство падает повсюду, растет только спекуляция. Я хожу по улицам, упинаясь московской речью, смотрю на людей. Я почти не вижу, чтобы прохожие улыбались. Даже парочки сидят обнявшись — и не улыбаются.

— Наталья Дмитриевна, на Александра Исаевича Солженицына «претягивают» права разные литературные и общественные силы. С одной стороны, своим духовным пастырем его считают многие из либеральной интеллигенции, с другой — на него претендуют почвенники и патриоты. Как вы считаете, уместно ли канонизировать из этих «лагерей» привлеченного к своей стороне, сможет ли Александр Исаевич уклониться от участия в политической борьбе?

— Александр Исаевич ясно видит попытки сделать из него знамя той или иной группы. Но он знаменем «не работает» и ни разу никакой — ни общественной, ни политической — группировки не возглавлял. Он считает, что задача писателя объединять свой народ, а не делить его на партии. И сделать из себя политический символ он не позволит. Александр Исаевич имеет точки соприкосновения во взглядах и с «почвенниками», и с «либералами». Но никто из обеих команд не может сказать, что явление Солженицына, взятое в целом, подтверждает их позиции. Они обязательно встретятся с чем-то в Солженицыне,

что их не устроит.

Я думаю, что Александр Исаевич будет выходить из этой ситуации в присущей ему манере, активно прокладывая свой собственный путь. Вопрос в другом — не окажется ли он в этом случае в пустоте? Отхлынули налево, отхлынули направо, вскарабкались каждый на свой берег, а по дну оврага еще течет ручей? Или все пересохло? Общества, из которого мы уехали, больше нет. Оно исчезло, распалось. Долго так продолжаться не может, скоро начнется какая-то кристаллизация. Но будет ли одним из ее стержней Солженицын? Ясно в том, на какие силы здесь он мог бы опереться, у меня нет. Ему, правда, не привыкать начинать в одиночку...

— Многие считают, что в картине Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли» явлен солженицынский взгляд на судьбы нашей страны. Другие в то же время полагают, что картина антиисторична. Считаете ли вы, что это «солженицынский» фильм?

— Фильм полностью «говорухинский». Он был и отснят целиком, и даже сценарий написан Станиславом Говорухиным. Как Станислав Сергеевич рассказал о своем фильме Александр Исаевичу у нас в Вермонте, в ноябре. Он был у нас почти два дня, привез готовый сценарий в виде брошюры. Вечером Александр Исаевич прочел, а утром, при мне, высказал свои замечания. Позже, в сильно схематизированном виде, но достаточно точно они были изложены в «Известиях». Что-то из критики Александра Исаевича режиссер, вероятно, учел, а с другим или не согласился, или поздно было менять. Ни заготовок к фильму, ни фильма Александр Исаевич не видел.

Он далек от мысли, к которой волей-неволей подталкивает фильм: старая Россия, мол, не имела пороков. Я думаю, что и сам Говорухин ее не разделяет, и, посмотрев фильм, спросила его о том прямо. Он прямо и ответил: «...дореволюционную Россию 70 лет изображали адом. Насколько она ужасна — всем вдалбливали 70 лет, и я не считал нужным это повторять... На мой взгляд, это создало перекос в другую сторону. Жаль, потому что в фильме немало такого о нашем прошлом, чего

многие не знают или не хотят знать. Страна-то, несмотря на огромные проблемы, была замечательная. Если бы не 14-й, а потом 17-й годы, сегодня она была бы европейской Америкой.

Но посмотрите, что сейчас пытаются сделать из Говорухина! Он посетил Славянский собор — и оттого журнал «Столица» на своей обложке помещает фотомонтаж — Говорухин в нацистской форме. «Спорить» в такой форме — не только не по-людски, это в цивилизованном обществе просто подсудно. Это, по-моему, один из примеров неприличной, глупой, недопустимой в нынешний тяжелейший для страны момент поляризации общества. Огромный корабль тонет, палуба опускается все ниже, а по ней мечутся люди и с криком выясняют, кто здесь левый, а кто правый, кто «демократ», кто «патриот». О том, почему гибнет страна, говорят очень мало...

— Наталья Дмитриевна, а почему она, по-вашему, гибнет? Мы и в самом деле отвечаем на такого рода вопросы, исходя из наших политических пристрастий...

— То, что я скажу сейчас, — это только мое мнение. Александр Исаевич мало интересуется экономикой, а я много читаю по этим вопросам, и то, что происходит здесь, у нас, вызывает у меня глубокое изумление.

То, что реформа и необходима, и необратима — бесспорно. Но бесспорно, на мой взгляд, и то, что в ней были заложены глубокие стартовые ошибки. Польша начала такую же реформу в декабре 1989 года. Уже к середине 1991-го стало ясно, что она зашла по сути в тупик. Об этом много писали, это признавал и сам проводивший ее Бальцерович. У нас же до сих пор полагают, что Польша эта реформа «вытащила». Да нет этого и быть не могло.

Программа Гайдара — это «типовая» программа Международного валютного фонда, которая применялась в Бразилии, Аргентине, Польше... В Мексике — до недавних пор. Сейчас там сменили концепцию реформ и понежноту выползает из кризиса.

Разработки МВФ сделаны очень тщательно, над ними работали лучшие мировые экономисты семидесятых годов... Но ведь за эти двадцать лет они не вытащили ни одну страну, буквально

но следовавшую их рекомендациям. Бразилия, Аргентина, Перу вернутся, как могут, выплачивают проценты по кредитам, но не могут встать с колен. К тому же она была создана для стран «третьего мира», где не было капитала, но существовал рынок со всеми своими системами — финансовой, налоговой, кредитной. А в России, как и в других странах Восточной Европы, рынка не было, но был капитал — сотни миллиардов сбережений, которые не востребовали наши реформаторы. Сейчас их стремительно сжирает инфляция. У нас были и остаются огромный госсектор и безналичное денежное обращение, с чем экономисты МВФ не имели дела...

— Как относится Александр Исаевич к положению русских в нынешнем «ближнем зарубежье»?

— Он очень тяжело это переживает. Россия должна или дать достойный приют всем беженцам, или защитить их там, где они живут. Когда Александр Исаевич освободился из лагеря и был на вечном поселении в Казахстане, он тяжело болел раком. Вылечили его в Ташкенте (это описано в «Раковом корпусе») женщины-врачи, дети и внуки русских, укоровившихся в Узбекистане. Спасли они там массу людей. А теперь пишут: «Александр Исаевич, куда нам деться?» И так всюду. В двадцати километрах от Ставрополя, где родился Александр Исаевич, — огонь.

Сразу после путча была проявлена зыбкость. Я помню, как в ответ на заявление пресс-секретаря Ельцина Павла Вошанова о том, что если мы растаемся навсегда, Россия оставляет за собой право вернуться к вопросу о границах (не «пересмотреть», а только «вернуться к вопросу»), страшно возмутились парламентарии в Киеве и либералы в Москве. «Это война! Ельцин впал в великорусский шовинизм! Как можно сейчас говорить о границах — будет кровь!» Александр Исаевич тогда сказал, что кровь обязательно будет, — если сейчас Россия не займет твердую политическую позицию. Но она так и не была по-настоящему выработана, кровь уже льется, и что будет дальше — никто не знает...

— Началось ли, на ваш взгляд, выздоровление общества, боитесь ли вы правого переворота, возврата к тоталитаризму?

— Положение, как вы лучше меня знаете, крайне тяжелое, и за два месяца, что я здесь, оно еще ухудшилось. Но я верю, что гражданской войны в России не будет. Возвращение тоталитаризма невозможно без большого числа убийств, без реальной силы, на которую могла бы опереться тоталитарная власть. А где сейчас эта сила? Армия? Она едва ли будет стрелять в народ. КГБ тоже расслоился, хотя сохранил свою страшную мощь. И где «Сталин», где идол, которому бы верили и которого слушались? Пока — одни клоуны... И слава Богу.

— Когда вы вернетесь? Готов ли Александр Исаевич к тому, что мы тут помешаем ему писать?

— Александр Исаевич не писать просто не может, а здесь это действительно будет чрезвычайно трудно. Сейчас он занят окончанием тех из начатых работ, которые связаны с западным межбиблиотечным обменом. Дело в том, что Россия не член этого сообщества, и здесь он не сможет получать необходимые ему материалы. Он работает над тем, что ему необходимо завершить в Америке. А я тем временем должна была найти место, где мы могли бы жить. Пока это не удалось, придется мне еще раз приезжать до нашего окончательного переезда. Александр Исаевич собирается в России полностью изменить свой образ жизни, много встречаться с людьми. А затем он мечтал бы вернуться к рассказам, к малой форме, к тому, что он некогда оставил ради огромных полотен.

— Но почему бы Александру Исаевичу не приехать сюда на короткое время? Встретиться с людьми, пообщаться...

— Для него это абсолютно невозможно. Он это для себя сформулировал очень четко — гостем, туристом на Родину он не придет. Ну как это представить? Он тут побудет, потолкует, а потом повернется: вы тут все оставьте, а я поеду?.. Нет, это для него невозможно... Вернувшись, мы уж здесь и останемся.

— Вы понимаете, что далеко не все будут рады видеть Александра Исаевича в России?

— Он это отлично понимает.

И говорит, что на его долю уже выпало так много «славословий» и аплодисментов, что он не удивится, если до конца жизни достанутся одни плевки. Во всяком случае он к этому готов.

Кое-кто считает, что Солженицын своими книгами помог развалить «нашу державу». Это верно — по отношению к «их» державе, которая всех держала. Александр Исаевич сидел в лагере с людьми многих национальностей, и после этого у него было что возразить тем, кто считал, что Союз должен быть «нерушим». Накан ненависти был велик, и советская империя была обречена — удержать ее можно было только силой и кровью. Но психологически можно понять и ненавистников. Они проливали кровь за эту страну: была сверхдержава, были ракеты, космос... Что все это на глиняных ногах — не видели. И вдруг все оборвалось, остались одни руины. И им говорят, что это Солженицын сделал...

Есть люди, которые всегда были против него, столпы режима, они никуда не делись. Есть те, кому не нравится, как он пишет, — это тоже в порядке вещей. Среди националистов есть люди, которые относятся к Александру Исаевичу очень настроенно. Есть либералы, которым он не нравится. Но и это нормально. Ненормально, когда человеку приписывают то, чего он не говорит и не думает. А за свои слова он готов отвечать.

— Что такое быт Солженицыных, не испугала ли вас в этом отношении после долгого отсутствия наша, российская жизнь?

— Солженицына часто называют отшельником. Но это не свойство характера — просто распорядок жизни диктует работа. По характеру Александр Исаевич... нет, не аскет — он, к примеру, любит вкусно поесть, любит рюмку к обеду. Но он не дает ни себе, ни нам разбаловаться. Он принципиально не сибаритствующий человек. И ни мне, ни сыновьям не дал испортиться — а в Америке это ох, как легко.

— Наталья Дмитриевна, вы не разочарованы своей поездкой?

— Нет. Ведь я снова дома — после 18 лет изгнания! Шутка сказать — треть жизни... Я увидела столько верных друзей и уюта с собой столько тепла. И хотя я уезжаю с тяжелым и тревожным чувством, но в нашем намерении вернуться я только укрепила. Жить надо на Родине. И жить постоянно.

Беседу подготовил
А. Филиппов.